

Глава 15 Оставляя позади

— Молодые, кхе-кхе, господа и юные, кхе, леди. Подайте на пропитание раненому, кха, солдату, — протянул в нашу сторону заскорузлую от грязи руку некий бородатый субъект.

Акира смерила попрошайку, попахивающего смесью «ароматов» давно немытого тела, мочи и перегара, неприязненным взглядом:

— Не похож ты на голодного солдата. Обычный пьянчуга, — произнеся это, крайне не любившая алкоголиков особа отвернулась, шагнув вперёд. — Вонючий, — припечатала она не глядя на собеседника.

— Жестокая мисс, — жалобно смотря на остальных, покачал головой на редкость красноречивый бродяга. — Я, кхе-кхе, доблестно сражался за Империю, но когда враги забрали мою ногу, — он продемонстрировал нам деревянную колоду, заменяющую ему стопу, — оказался, кхе, на улице. Чем согреть израненное, кхе, сердце оставленного всеми солдата?

— Какая жалостливая история, — смахнув невидимую слезинку, сказал Кей. — Правда, Куроме-чи? А ведь кое-кто рассказывала нам о повышенных пенсиях, «которые позволят отставникам нормально жить». Не знаешь, кто эта хвастунишка?

Я уже хотела ответить, а весело блеснувшая глазами Сена открыла рот, чтобы добавить своё остроумное замечание, но нас опередила обернувшаяся Акира:

— Вы что, алкашей не видели?! Он вам ради бутылки что угодно расскажет. Тут баня рядом! Я слышала, что в отделении для бедных помывка десять медяков стоит. Чуть дороже бутылки дешёвой бормотухи, которой воняет от этого! — эмоционально воскликнула она. — Мог бы раз в месяц не напиться, а помыться... с-с-солдат, — презрительно произнесла рыжая. — Пойдёмте, если будем постоянно отвлекаться на ерунду, то не успеем прибыть вовремя.

— А я думала, ты добрее, — наша проныра, что до сего момента пререкалась с Кеем, переключилась на новую «жертву» и с готовностью шагнула поближе к Акире, которая уже начала жалеть о своём зове, на который откликнулась не та и не так. — Представь, что он

правда ветеран, а ты так высокомерна и жестока. А ведь вчера ты говорила о защитниках Империи, которых нужно уважать...

Кей тоже хотел вставить свои пять медяков, однако я, перестав поглаживать Люца, подняла руку, жестом заставив его замолкнуть.

— Почему твоё лицо мне знакомо? — спрашиваю у этого изрядно попахивающего, но при этом более-менее хорошо одетого (для таких, как он) попрошайки.

Обычно подобная публика носила штопанную-перештопанную рвань, закутываясь для тепла в лохмотья, словно капуста в листья — в несколько слоёв. А у данного субъекта были почти нормальные, пусть и грязные, куртка и штаны. Да и ботинки тоже не слишком страшные. Раньше был состоятельнее и лишь недавно опустился? Вряд ли: по первому впечатлению, он, скорее, умудрился ограбить и раздеть невезучего горожанина.

— Не могу знать, юная прекрасная мисс, — втянув в себя соплю и жадно сглотнув, ответил попрошайка, с надеждой следя за появившейся в моих руках серебряной монетой. — Но если вы поделитесь со старым солдатом малой денежкой, то будьте уверены: я помолюсь за ваше здоровье!

— Не думаю, что мне нужны твои молитвы, — мысленно скривилась я, ибо воняло от этого персонажа не только в обычном восприятии, но и в ментальном плане. Не самый неприятный тип из тех, кого я видела и с кем общалась, но всё же. — Как зовут тебя, «войка»? Участвовал в Южной кампании?

— Ха! Конечно, участвовал, добрая госпожа! — уверенно соврал попрошайка. — Именно там жестокие южные дикари со звериными, кхе, головами и острыми зубами отрезали и съели мою бедную ногу! — Но я, старший сержант Сэмвелл... кх-ик, кха-кха!

Спившийся бродяга, уже предчувствуя льющуюся в горло огненную воду, начал было напускать героического тумана... но увидев на юном личике своей слушательницы отнюдь не выражение удивления, интереса или жалости, а улыбку озарения, закашлявшись, осёкся.

Ведь отражалась на девичьем лице отнюдь не то выражение, что рисуется в мыслях при фразе «улыбающаяся девушка». Нет, пусть молодая брюнетка и не строила гримас или скалила зубов, что с такой внешностью вызовет, скорее, смех (хотя, зная, как развлекаются некоторые благородные...) — но благодаря убийственному намерению весь облик безобидной невысокой девочки с пушистым зверьком в руках словно разом осыпался, открыв лицо жестокого маньяка, с радостью и злым торжеством встретившего и узнавшего своего обидчика из детства.

Впрочем, где-то так оно на самом деле и обстояло.

— Ну что же вы, господин сержант Сэмвелл? — буквально пропела я сочащимся патокой голоском. — Зачем обманывать своих старых знакомых, можно сказать, воспитанников? Вы ведь служили во внутренних войсках. Какая Южная кампания? И... вы ведь не отставник, я верно угадала? Признайтесь, дорогой друг: вас просто выкинули из армии, а потому и приходится попрошайничать, не так ли? Без хоть какой пенсии-то. Мне только одно интересно: что это было? Воровство? Коррупция? Использование служебного положения? Злоупотребления властью с глумлением над нижестоящими? Обычные преступления вроде убийств и изнасилований бесправных крестьян? А может, всё вместе с какой-нибудь особенной перчинкой, вроде торговли наркотой?

— Откуда ты... вы, кха, меня знаете? — настороженно попятился начавший стремительно трезветь вонючий калека.

— Не помните нас, господин сержант? — в притворном расстройстве качаю головой, с лица при этом не сходила улыбка. — Очень жаль. А вот я вас отменно помню. Когда я была маленькой, ваш, хех, мужественный облик не раз посещал меня во снах. Это ведь вы руководили теми бравыми, решительными, замечательными солдатами на Экзамене, — произношу скорее утвердительно, чем вопросительно и, поймав непонимающий взгляд светловолосой Анны, поясняю для остальных:

— Теми солдатами, что подгоняли нас, тогда ещё маленьких детей, добрыми пожеланиями и выстрелами в спину. А чуть раньше готовили к Испытанию через страх и побои. Как там? — прижав палец к подбородку, я состроила задумчивый вид. — «Империи не нужны слабаки и неудачники. И потому они сдохнут!» Так, кажется? — улыбаясь, спросила я у прижавшегося к стене ублюдка.

Лица Акиры, Кея, Бэйба и остальных показывали усиленную работу памяти. Некоторые из ребят, судя по эмоциям, начали вспоминать.

— Что же, мы выжили. А вот кое-кто другой, ранее мнивший себя властителем судеб, на деле сам оказался слабаком и неудачником. Иронично, не правда ли? Что мы должны с вами сделать, господин сержант? Империи ведь не нужны такие ничтожества, как ты, верно?

— Вы... вы не посмеете! Вас, кха, арестуют! Стража!!! — заорал Сэмвел, увидев патруль. — Убивают!!!

Впрочем, если у него и имелись надежды на полицию, то они рассыпались сразу после того, как Сена показала тройке патрульных своё удостоверение. Полицейские дружно ударили правыми кулаками напротив сердца, развернулись и ушли, а растерявший всю свою пьяную велеречивость одноногий бродяга остался.

Грустно, что у нас в стране такие... дифференцированные законы. Да, грустно.

Но иногда весьма удобно.

— Что ты хочешь с ним сделать? — спросил меня подошедший ближе Ямато.

— Как насчёт — отрезать яйца и заставить их съесть? — озорно улыбаясь, спросила Сена, крутнувшая в руках пару кинжалов.

— Фу-у! — скривилась Акира. — Что за извращенские идеи у тебя в голове?! Тем более, этот, — она брезгливо поморщилась, — даже одетый, противно выглядит и пахнет! Отравить нас хочешь?!

Сена на эти обвинения лишь рассмеялась:

— Это интереснее, чем обычное убийство. Такого у нас и на службе хватает. Или можно позвать тех патрульных назад и пойти в местную тюрьму, договориться об особом сервисе для особого заключённого. Я слышала, что в таких местах процветает однополая любовь, часто без

согласия «тюремной жены». Подберём небрезгливых выносливых ребят с большими, хи-хи, инструментами, простимулируем их на подвиги... И этот вонючка уйдёт из жизни, даря другим радость! Классно придумала, правда?! — девушка пошловато улыбнулась.

Да уж, классно... Даже мне бы не пришла в голову такая идея. Хотя бы из мужской солидарности той моей грани, что принадлежала прошлому воплощению. Впрочем, и для девушки оказаться затраханной до смерти — участь пусть не столь унижительная, как для мужчины, но ничуть не менее мучительная.

В любом случае, вариант мне не понравился: как-то оно не то, слишком грязно и грубо.

— Ай-ай, девочки, меня пугают ваши наклонности! — воскликнул Кей. — Или это кое на ком так неудовлетворённость сказывается? Парня теперь нет и эта «кое-кто» сублимирует?

— Кто бы говорил! Любитель дарить «суровой госпоже» интересные игрушки! — отбила пурпуровласая убийца.

Не обращая внимания на Сэмвелла, что прижался к стене и закрыл руками пах, шутник вступил в пикировку с Сенной и неожиданно поддержавшей её Анной. Я и Акира воздержались, зато мужская часть команды дружно выступила на стороне более милосердного юмориста.

— Забавная насмешка судьбы, верно? — спросила я у затравленно глядящего на нас мужчины. — Казалось бы, ещё недавно вы словно скала возвышались над кучкой бесправных детей, наслаждались своим правом повелевать жизнью и смертью. А теперь в роли «слабака и неудачника» выступаете вы, а выросшие дети обсуждают, каким страшным и диким способом с вами расправиться. Никогда не верила в судьбу, но есть в этом какая-то кармическая справедливость.

— Вы, кха, кучка грязных зверёнышей! Надо было удавить вас тогда! Ну же, вперёд! Кха, рвите меня, как положено бешеным псынам! Давай!

Сэмвел, с неожиданной для вонючего пропойцы прытью, рванулся вперёд и попытался ударить

меня выхваченным из рукава ножом. Бесплезно. Нож отлетел в сторону, а его владелец после аккуратного толчка впечатался обратно в стену. Мужчина закашлялся и осел. Из глаз его потекли слёзы жалости к самому себе.

— Выродки, кха-кха-кха, — хрипло прорычал-проскулил он, безуспешно пытаясь спровоцировать своих палачей на быстрое убийство. — Чего вы ждёте?! Вы ведь об этом, кха, мечтали, кучка грязных рабов?!

— Жалкое зрелище, — произнесла я, посмотрев на истекающего соплями и слезами человека, словно на пустое место.

А ведь некогда он внушал маленькой мне страх и ненависть, даже иногда снился в кошмарах.

Тем не менее, стоит признать: кое в чём он прав. Жестокое убийство этой грязи не подарит мне ни удовлетворения, ни чувства морального превосходства. Убийство — это просто убийство. В нём нет особого интереса и, так сказать, интриги. А потому...

— Ты хотел денег, червь? Держи, — в утреннем свете блеснуло жёлтым несколько монет и даже пара брусочков мерных слитков. Упав наземь, драгоценный металл зарылся в подтаявший, перемешанный с песком и конским помётом грязный снег. — Но не думаю, что они помогут такой грязи, не способной ни на что, кроме как пить, попрошайничать и воровать.

Воцарилось изумлённое молчание.

— Уходим, — скомандовала я и, развернувшись, зашагала по направлению к городским воротам. Удивлённые ребята последовали за мной.

Сэмвелл остался в одиночестве.

Проклиная ублюдочных выродков, этот скверный человек, вышвырнутый из армии за слишком

уж наглые и тёмные делишки (а также глупость, помешавшую поделиться, с кем надо), ползал в ледяной грязи и, сдирая ногти о камень и лёд, с торопливой жадностью собирал брошенные в грязь монеты.

Из глаз текли слёзы обиды и ненависти. Ведь, несмотря на все постигшие его неудачи, мужчина был весьма высокого мнения о себе, списывая все провалы на окружающих. Начиная от событий, заставивших уйти из армейских рядов, любви к азартным играм и выпивке, коя их и инициировала, и заканчивая травмированной в одной из драк ногой, которую он пожадничал лечить и в итоге потерял, — у Сэмвелла в его бедах всегда, всегда были виноваты окружающие.

Он сам, в собственном понимании, оставался молодцом.

И тут появились те, кого он в своё время сильно обидел: кучка мелких зверёнышей, из которых вырастили цепных зверей. Сэмвелл (по крайней мере, по собственной оценке) не являлся дураком, поэтому легко (пусть и не сразу) связал некогда всплывшую в газетах — пресса доступна не только тем, кто её покупает, но и тем, кто подбирает выброшенное — информацию о детях-убийцах, с тем жестоким отбором, в котором он с удовольствием участвовал одиннадцать лет назад. Появились... и вместо того, чтобы жестоко отомстить, как поступил бы он сам, даже не сочли его стоящим того, чтобы пачкать руки.

Он в их глазах настолько ничтожен, что они даже бросили ему подачку!

— Сучьи выродки! Уёбки! Сами вы черви! Чтоб вы все, кха, сдохли! — ненавидя их и себя, ползал в грязи он, сам того не желая, подсознательно понимая и признавая правоту побрезговавших им высокомерных тварей. И это лишь усиливало злобу к миру и окружающим, а также подспудно растущую ненависть и презрение к себе.

— Ненавижу! — кулак с силой врезался в землю, и ещё раз и ещё и ещё... — Ненавижу-ненавижу-ненавижу! Суки, ненавижу вас, сдохните! — грязная ледяная каша расцвятилась оттенками алого.

Ничего-ничего, на эти деньги он сможет пить так много и так долго, что рвущая нутро боль забудется. А если этого не хватит, то к его услугам будут податливые шалавы, азартные игры и наркотики.

...Лучше бы они его убили. Тогда всё закончилось бы быстрее.

* * *

— Куроме-чи, а Куроме-чи? Что это в лесу такое большое сдохло, что ты у нас святошей заделалась? — скорчив любопытно-заинтересованную гримасу, поинтересовался Кей.

— Ты о чём? — с лёгкой улыбкой на лице спросила я.

— Об этом, — ткнул парень в сторону копошащегося в грязи Сэмвелла. — С какого перепугу ты ему даже вторую ногу не сломала?

— И целую кучу золотых отдала, — подала голос несколько скуповатая Акира.

— Я бы ему вмазал, — согласно прогудел Хан. — Мучать, как предложила Сена, не стал бы, но... — крупный темноволосый парень, выглядящий словно тридцатилетний мужик, неопределённо качнул головой и потёр щетину.

Даже молчаливый Бэйб высказался в непривычно многословной для себя манере:

— Добро в ответ на зло — умножает зло. Ты так говорила. Зря одарила этого. Он плохой человек. В этом городе много сирот, им нужнее.

Моя улыбка стала шире. И неприятнее.

— Хе-хе-хе, иногда самое страшное злодеяние может выглядеть как добродетель. Или вы думаете, что подачка от тех, кого этот мусор ненавидит и презирает, сделает его счастливее?

Да, благодаря моей щедрости и доброте у него появился шанс измениться: купить какую-нибудь небольшую лавку, жениться и зажить нормальной жизнью, например. Но... небольшой. Крохотный даже, — я подняла руку и продемонстрировала исчезающе малый просвет между большим и указательным пальцем. — Скорее этот уродец захлебнётся в своей ненависти и распнёт сам себя. Слышите, что бормочет? — Кивок в сторону грязного бродяги, остающегося всё дальше.

Во всех смыслах позади.

Кто-то оглянулся, окидывая последним взглядом давнего обидчика, исходящего желчью и жалостью к себе. Некогда, с позиции бесправных детей, он казался всевластным хозяином жизни и смерти, а ныне скатился до состояния возящегося в грязи злобного червя. А кто-то (Акира, к примеру) только презрительно фыркнул и, не оборачиваясь, ускорил шаг, оставляя за спиной одного из демонов прошлого, даже не удостоив того последним взглядом.

— Такой, как он, ухватится за протянутую руку не для того, чтобы выбраться из болота, а дабы утянуть неудачника в свою трясику. Он не сможет вылезти из своего положения. И не сможет забыть, кто и как ему помог. Он будет вспоминать и ненавидеть — нас, себя и весь мир. А потом он сдохнет. Если повезёт, то быстро — от ножа другого бандита или бродяги. Ну, или от удара по голове, если ножа не найдётся. А если удача отвернётся — что, скорее всего, и случится, ибо Сэмвелл глуп — то нашего любимого господина сержанта сначала хорошенько поспрашивают: где это вонючий пьяница нашёл столько денег — и не припрятал ли ещё? Естественно, в такую липу, как подачка от имперских убийц, никто не поверит, и допрос выйдет на новый круг. И снова, и снова, и снова. Опустившиеся бандиты даже за пару серебряшек готовы все кишки заживо вытянуть. Боль физическая, боль ментальная и в конце смерть — жалкая и грязная, с полным осознанием моей правоты о его тупости и ничтожности. С пониманием, что он даже золото умудрился превратить в дерьмо. Разве это не интереснее обычной расправы? — с добродушием сытой змеи осведомилась я, поглаживая своего ушастопушистого Люцифера.

— Ха? — юморист хохотнул недоумённо, моргнул, прищурился, будто проигрывая в голове разные сцены и оценивая получившееся, а потом, сочтя его достойным, рассмеялся во весь голос. — А! Ха-ха! Ну и шутка, ха-ха-ха! — от избытка эмоций парень ударил себя по бедру. — Показать, что не хочешь марать руки об такую грязь — это уже обидно. Потом бросить унижительную подачку, которую он не сможет не взять — ещё лучше. А потом доказать, что он даже с деньгами не может ничего, кроме как сдохнуть! — возбуждённый парень крутнулся на месте. — Растоптать душу и убить тело, и всё это под видом щедрости и милосердия! Ха-ха-ха, гениально! Даже великолепный Кей Ли-сама не сумел бы придумать лучше! А ведь я почти поверил, что наша милая принцесса зла и сладостей размякла, — широко улыбаясь, помахал пальцем брюнет. — Ай-яй-яй, хитрая Куроме-чи! Ай-яй-яй! Ты заставляешь своего сенсея гордиться до слёз, ученица, — утирая воображаемую слезу, возвестил гаер.

Кто-то разделял веселье Кей Ли, как подхихикивающая ему в тон Сена, кто-то мстительно усмехался, а кто-то просто фыркнул и окончательно выбросил получившего по заслугам злого сержанта из головы.

Но вот Бэйб хмурился.

— В чём дело? — спросила я нашего молчаливого и добродушного любителя помогать нуждающимся — детям в основном — и вырезать красивые фигурки из дерева.

— Те крестьяне летом. Ты и с ними так пошутила?

— Те недоразбойники, которые выскочили на меня по дороге на юг? Нет. Они не делали мне зла. К тому же у них была причина для столь смешной попытки грабежа. Цель, ради которой они рисковали. Если они достойные люди, то вернулись в свою деревню, обеспечив себя и соседей продовольствием на зиму и весну. Недостойные, поддавшись алчности и жадности, попытались бы друг друга убить, и, разумеется, никуда бы не вернулись. Зачем им родня и деревня, если с деньгами и в городе хорошо? Но ведь такие бессердечные ублюдки не стали бы мяться. Сразу бы попытались сделать с «беззащитной одинокой девчонкой» что-нибудь нехорошее — и оказались бы зарублены на месте. В принципе, я могла и ошибиться, но тогда они наказали бы себя по вышеуказанному сценарию.

— Понял, спасибо, — кивнул здоровяк. — Извини, что плохо думал.

— А вот я — не поняла, — подойдя ко мне поближе, сказала Сена. — Что за разница между «достойными» и «недостойными»? Откуда ты это вообще взяла?

Пожимаю плечами.

— Придумала. Нужно ведь как-то разделять тех, кто мне нравится и не нравится? Есть люди, которые едят, чтобы жить, а есть те, что живут, чтобы есть. Фигурально выражаясь, конечно, — важно махнув выуженной из закромов печенькой, сказала я. — Для первых сила, золото, власть и всё остальное не станут хозяевами души и сутью устремлений — лишь инструментом. А для

последних, хм, тел, отягощённых разумом, избыток ресурсов губителен.

— Хи-хи, сказала одна лакомка, жуя очередную сладость, — под смешки и улыбки остальных ребят засмеялась тихая убийца.

— На том стоим, — я тоже улыбнулась, на этот раз открыто и весело.

Не забывая наглаживать белого и мягкого некропушистика.

* * *

Тем временем, пока группы А и В под предводительством одной доброй и щедрой волшебницы двигались к одному из крупных городов востока северной части Империи, в сердце страны происходили инициированные означенной волшебницей события.

Жители Столицы уже успели привыкнуть к выходкам террористов/наёмных убийц/народных мстителей (зависит от точки зрения) из Ночного Рейда, однако последняя их акция несколько выбивалась за привычные рамки. Нет, само по себе убийство очередного уважаемого человека (или потерявшего последние остатки совести коррупционера, если посмотреть под иным углом) не являлось чем-то необычным.

Необычные — и дурно пахнущие! — подробности начали всплывать после.

Что прибывшая на место спецгруппа полиции обнаружила в подвале жилища самую настоящую темницу, совмещённую с пыточной и подобием адской кухни людоеда, а также множество иных находящихся там доказательств того, что давненько орудующий в Столице похититель детей и жертва революционных убийц — одно лицо, это ещё ничего. Даже в полиции некоторые из честных служаек, общаясь с доверенными коллегами, признавали, что Ночной Рейд частенько убивает тех, кто вполне заслуживает такой участи, но по тем или иным причинам неподсуден. Ну, а то, что самый лучший преступник — тот, кто знает систему изнутри, это и вовсе очевидно. Ничего экстраординарного.

...Если не знать, с чьими детьми убитый урод развлекался в свои последние дни.

Пусть исчезновение отпрысков одного из заседателей Палаты лордов и не являлось тривиальным событием (далеко не последний человек ведь), однако и громкой сенсацией оно тоже не стало, ведь безутешный папаша — личность, может, и не последняя, но в Столице ещё сотни таких же или более влиятельных. Лишь довольно весомое вознаграждение, которое парламентарий объявил за нахождение исчезнувших детей или достоверную информацию о них, не позволило новости затеряться на фоне прочих. И благодаря вознаграждению же скорбная весть о судьбе разнополых близнецов достигла ушей их родителя раньше, чем дошла до покровителя убийцы-извращенца.

Особенную пикантность ситуации добавляло то обстоятельство, что указанный парламентарий, как и полицейский-маньяк, входил в политический блок министра финансов. Впрочем, на личные отношения аристократов факт членства в одной группировке не слишком влиял: они оставались неприязненными. Более того: парламентарий не раз и не два высказывался на счёт сомнительных наклонностей «их полицейского друга». Не то чтобы заседатель знал о том, кто виновен в исчезновениях детей, но слухи о нездоровых наклонностях человека Досэна до него доходили и, несмотря на уверения патрона в полезности и верности союзничка, а также очень гибкую мораль, вести дела с подобного сорта личностью лорду не нравилось. Тем более что некоторые их интересы противоречили друг другу.

Поэтому политик не ленился подчёркивать своё отношение и моральное превосходство.

Таким образом, то, что одержимый нездоровыми пристрастиями «союзник» решил отомстить недругу, путём похищения и крайне скверного убийства его потомков, пусть и являлось событием из ряда вон — обычно аристократы не убивают друг друга напрямую — но особого ошеломления и неверия ни у кого не вызвало.

Стоит ли говорить, что у Досэна не получилось сохранить лояльность безутешного отца или хотя бы заткнуть бывшему сопартийцу рот? В иной ситуации у него могло бы получиться. Член палаты лордов, конечно, влиятелен, но министр — это, без сомнения, куда более значительная фигура, у которой имеются разнообразные рычаги негативного и позитивного воздействия. Да и сам парламентарий, пускай и являлся большим семьянином, но в первую очередь он всё же политик, который всегда сможет договориться, если с одной стороны поманить его чем-то ценным, а с другой надавить.

Но в игру с самого начала вступил обрадованный такой оказией Огр, который с готовностью

воспользовался поводом для чистки рядов столичной полиции от не подчиняющихся ему фигур. А потом присоединился и Сайкю, с которым глава столичной полиции поделился ценной (особенно ввиду конфликта главшпиона с министром финансов) информацией.

И возникнуть бы в рядах блока министра разведки пополнению: лишившийся детей родитель ни на секунду не верил в честность главшпиона и его стремление к справедливости (честность, справедливость и альтруизм — это не про высокую политику), но в сложившихся обстоятельствах они с главой разведки поневоле стали ситуативными союзниками, а от ситуативного союза к постоянному лишь один шаг. Однако среди причастных к власти лиц прошёл слух, что именно Сайкю, пусть косвенно и через третьи руки, но содействовал похищению благородных деток. Этому способствовал и тот факт, что проведённое разведкой расследование привело к заказчику нападения Ночного Рейда, коим оказался ещё один союзник Досэна и противник Сайкю.

Это неспроста! Явно ведь интрига, спланированная хитрым и беспринципным манипулятором, дабы подставить недружественный род и заодно получить союзника, дополнительно покачнув позиции сановного врага!

Никаких доказательств у этих сплетен, разумеется, не имелось, но разбуженные (и старательно раздуваемые кое-чьими агентами) подозрения очень быстро положили конец ситуативному союзу, а также бросили тень на главу разведки, который «переступил рамки общепринятых правил игры». Так что Сайкю хоть и не проиграл — репутация у него и так не очень — но и выиграл далеко не столь много, как мог бы.

И это правильно. Ведь премьер-министру, который стоял за возникновением и распространением слухов, не выгодно чрезмерное усиление разведки, которая и так неким странным образом умудрилась погасить раздор с полицией, спровоцированный главным в Империи любителем вкусно и обильно покушать. Более того: скользкие службисты незаметно сумели прийти чуть ли не к союзу с Огром! Как хорошо, что Онест вовремя заметил такой беспорядок! Ведь дружественное отношение между силовыми структурами — дело совершенно неприемлемое! Необходимо что-то предпринять.

И предпринял.

Зато Досэну, столь аппетитно пропитавшемуся ненавистью к Сайкю, можно и помочь. Не бесплатно, конечно, ку-фу-фу.

Что касается министра финансов, то он окончательно и бесповоротно уверился в вине своего врага во всех произошедших неудачах. Злоба, которую он испытывал к Сайкю, выросла чуть ли не до потери способности рационально мыслить. О новообразованном промышленном объединении, что стоило бы подмять под себя и которое этому неожиданно ловко и упорно сопротивлялось — ещё смея проводить какие-то подозрительные заигрывания с мастеровщиной, на кои ему не раз жаловались «друзья»! — Досэн предпочёл пока забыть. Никуда они от него не денутся.

Не денутся ведь?

Ночной Рейд в очередной раз публично осудили, пообещали найти и уничтожить (а также потребовали дополнительного финансирования для поднятия эффективности борьбы с обнаглевшими революционерами), но в целом особенных усилий для воплощения посулов в жизнь прикладывать не стали. Не тот повод, знаете ли: начнёшь усердствовать после такой вот истории — и в салонах могут начать шутить на тему пищевых пристрастий излишне усердного врага ночных убийц.

Среди прореволюционной общественности такая громкая, эффектная — и не сопровождающаяся невинными жертвами кара «уж точно злодея» — укрепила пошатнувшуюся было репутацию самых опасных и разыскиваемых борцов с преступниками во власти и несправедливым режимом. Та же группа Карателя, относительно недавно и довольно громко заявившая о себе уничтожением несколько «чёрных» борделей, а также элитных клубов схожего толка, пусть и успела прославиться подрывами и расстрелами презревших законы богачей, всё же охотилась на рыбку помельче, да и работала грязнее.

В верхних эшелонах революционного движения столь громкое — и не согласованное со всеми вожаками Штаба! — действие со стороны такой своевольной и независимой фигуры, как Надженда, вызвало спорную реакцию. Впрочем, эта спорность ознаменовалась внутренними прениями со стороны покровителей Ночного Рейда и их противников, не всем из которых произошедшее убийство и его последствия сыграли на руку, мало затронув даже самую одноглазую, не говоря уже о её находящихся в счастливом неведении наивных подчинённых.

Как всегда, самые ожесточённые схватки велись имперскими элитами и контрэлитами не против внешнего врага, а между собой.

Что касается внутреннего положения дел в Ночном Рейде, то там ничего экстраординарного тоже не случилось:

— Ого! — воскликнул Лаббак, когда вернувшаяся утром Акаме вышла из своей комнаты, надев одну из подаренных сестрой обновок. — Что это на тебе?

— Одежда, — мазнув по зеленоволосому соратнику равнодушным и капельку удивлённым взглядом, ответила девушка. — Платье, — на всякий случай добавила она.

— Понятно, что не нижнее бельё, — фыркнул парень, что с удовольствием оценил бы вид соратницы неглиже. — Но у тебя же раньше была другая.

— Я купила новую и сегодня надела её, — всё с тем же спокойствием ответствовала алоглазая убийца, двигаясь к столу.

— Чего орёшь с утра пораньше? — Недовольно проворчала сонная Майн. — И кто у нас сегодня главный на кухне? Кофе скоро будет? — розоволосая девочка плюхнулась на стул и зевнула. — У-ах, чёртов Булат и его мужицкие тренировки! У меня теперь всё болит.

— Булат главный, — ответил снайперше Лаббак. — Сейчас принесёт всё, — потом он усмехнулся от пришедшей в голову мысли и добавил: — Тот здоровяк, после «мужицких тренировок» с которым у тебя болит «всё», — голос приобрёл непристойные интонации, — сейчас принесёт тебе утренний кофе, — любитель подглядывать пошло поиграл бровями. — Не в постель, но такой мелочи и так сойдёт.

— Чего-о?! Что значит — "мне и так сойдёт"?! — сухим порохом полыхнула Майн, вмиг забывшая о своей сонливости. — То есть, что ты вообще несёшь, извращенец?! — добавила она, покраснев. — И вообще! Как бы у тебя самого после Булата кое-что не заболело, идиотина! Думаешь, я забыла, как ты убежал от «мужицкого массажа», визжа, словно напуганная девчонка?!

— Проснулась? Не благодари, — улыбнулся Лаббак, проигнорировав грязные инсинуации сокомандницы.

Сегодня хозяин тейгу Кросс Тейл был на редкость благодушен и не настроен на перепалки.

Ведь он удачно откосил от большей части тренировок вчера, а также собирался честно филонить сегодня и завтра: в Столице его заждался книжный магазинчик с полными новинок стеллажами.

И симпатичными покупательницами!

— Лучше посмотри на Акаме, — не обращая внимания на ругательства всё ещё продолжающей тихо кипеть цундере, продолжил парень. — Не видишь ничего необычного?

— И что такого? Милое платье, — отвлеклась и успокоилась розоволосая, с любопытством оценив один из подарков Куроме (не тот, самый неудобный, в котором она приехала к родителям, а более подходящий для повседневного ношения, годный для тренировок и сражений, но всё равно красивый). После этого Майн повернула голову к Лаббаку.

— Что тут необычного, идиот? Девушки иногда меняют одежду, знаешь ли.

— Но это ведь Акаме! — всплеснул руками Лаббак. — У неё несколько одинаковых комплектов и всё! Другого она почти не признаёт!

— Вот именно, — кивнула розоволосая. — Тебе, Акаме, давно следовало набить шкафчик разными вещичками. Мы не какие-то там убийцы на службе имперских засранцев. Можем носить всё, что захотим! В следующий раз, когда соберёшься по магазинам, мы можем сходить вместе. — И уже к Лаббаку. — А ты заткнись и любуйся молча. Понял?! Тупой изврат, — припечатала она.

— Кофе и завтрак прибыли! — раздался бодрый голос Булата. — Кто там вспоминал мужицкую силу? Уже не терпится начать тренировки? Вот это настрой!

— Лаббак хотел, чтобы ты показал ему своё копьё, — мстительно «подказала» Майн.

— Не-не-не! Никакого копья! Мне сегодня в Столицу! У меня разведывательная миссия!

— Что за шум, а драки нет? — слышался голос Леоне, вслед за которой сонно плелась Шелли, чьё лицо украшали надетые «вверх ногами» очки.

После своего прокола на рынке, последовавшего за ним унижения, ранения и длительного восстановления (а также втыка от босса, которая сумела восстановить заметную часть реальной картины произошедшего) старшая сестра всея Ночного Рейда значительно снизила количество потребляемого алкоголя, поэтому утратила часть своей весёлости. Однако часть — это не всё. Да и кошачье любопытство хозяйка Лионеля сохранила в полной мере, так что обсуждения изменений в имидже Акаме (а также их причин) разгорелись вновь и продолжились сначала до завтрака, а потом и после него, до утренней тренировки.

Акаме по большей части молчала или отделялась короткими ответами, но внутренне она немного жалела, что решила так резко показать изменения в стиле. Тем более что Леоне, с её предположениями о влюблённости подружки, оказалась неожиданно близка к истине. И продолжала «подозревать» и подкалывать алоглазую убийцу, несмотря на все её уверения в обратном.

Впрочем, приятное тепло от подаренных Куроме вещей продолжало греть Акаме, несмотря ни на что.

Примечание к части

Пункт тапкоприёма открыт)

Автор и Куроме выражают признательность тем, кто поддерживает текст на Бусте или делает пожертвования на Тёмный Алтарь Печенек.

А.Н. — бечено.

Акаме-то, оказывается, — не только багоюзер. Её второе имя — Кэп Очевидность. "Одежда. Платье". Ку-хи-хи!

Примечание к части

Есть элементы грубого натурализма.

<http://tl.rulate.ru/book/57083/5074551>